

Они сняли ещё одну большую комнату с окном на солнечную сторону. Лян Цзивэнь перенёс все вещи в маленькую комнату, оставив только сумку с необходимыми для двоих предметами.

Супругам не разрешалось жить в одной комнате, но двое мужчин могли. Кровать хотя и была мала, но они привыкли спать на общих нарах в школе, так что втроём там уж точно поместимся.

Хотя с жильём проблема была решена, Чжань Цзюцзян всё равно был не в духе. Лян Цзивэнь, вымывшись, вышел из ванной, с полотенцем на голове, на нём были только свободные плавки. Он толкнул Чжань Цзюцзяна:

— Быстро иди мыться, помоешься — пойдём есть покупать.

Чжань Цзюцзян, недовольный, ударился лбом в живот Лян Цзивэня и уткнулся лицом в его кубики пресса. Лян Цзивэнь, только что вышедший из ванной, ещё исходил паром, мышцы были твёрдыми, но крепкими, прохладными на ощупь, а если прислушаться, то ощущалось щекочущее тепло.

— Ну всё, хватит баловаться, — Лян Цзивэнь пригладил волосы Чжань Цзюцзяна, уговаривая. — Иди в душ, приведи себя в порядок, тогда выйдем и всех с ума сведёшь!

Услышавший план Лян Цзивэня Чжань Цзюцзян тут же повеселел и, схватив одежду, поспешил в ванную. Лян Цзивэнь усмехнулся, сам оделся, но тут Чжань Цзюцзян уже начал кричать:

— Лян Цзивэнь, воды нет!

В комнате хотя и был водопровод, но вода в номерах лимитировалась, ведь и за воду нужны талоны. К счастью, на улице за гостиницей был общественный колодец, и Лян Цзивэнь заранее принёс оттуда ведра и таз из того номера, где лежали вещи. Но после того как он помылся, на Чжань Цзюцзяна осталось только полведра воды.

— Ты вылей воду в таз, а оба ведра мне принеси.

Чжань Цзюцзян, голый, спрятался за дверью, ногой вытолкнул ведра ему, выглянул и распорядился:

— Помни, набери побольше!

— Понял. — Лян Цзивэнь одной рукой поднял оба ведра, не удержался и тронул мокрую голову Чжань Цзюцзяна, усмехаясь. — Мы же и не такое видали, чего это ты вдруг стесняешься?

Чжань Цзюцзян смерил его взглядом, сердито пнул его ногой и — бам! — захлопнул дверь.

Лян Цзивэнь вернулся с водой, но той девушки, администратора, уже не видел — не знал, куда она ушла болтать. Лян Цзивэнь как раз хотел спросить, где в городе универмаг.

Чжань Цзюцзян заставил Лян Цзивэня возиться с ним полдня: он смыл пыль, надел чистую и опрятную рубашку и чёрные брюки, и выглядел невероятно бодро.

Лян Цзивэнь взял деньги и талоны, Чжань Цзюцзян гордо и важно потянул Лян Цзивэня вниз, на лице его застала мягкая и серьёзная улыбка, шёл он не спеша, с присущим ему темпераментом и красотой.

К сожалению, как бы медленно ни шёл Чжань Цзюцзян, они так и не встретили ту девушку-администратора, которая утром смотрела на них свысока. Чжань Цзюцзян от злости скрипел зубами!

— Что это тебе, большой уже, а ведёшь себя как ребёнок? — Он не смел сказать, что Чжань Цзюцзян мелочный, поэтому выразился мягче.

Чжань Цзюцзян повернул голову, двумя пальцами ущипнул его, Лян Цзивэнь поспешил задобрить его, отдернул руку Чжань Цзюцзяна, которая щипала его с внутренней стороны бедра, и перевёл тему:

— Пойдём в самый большой магазин Цзиньшаня, будем покупать-покупать, ладно?

— Ладно. — Чжань Цзюцзян поднял подбородок, показывая, что ему всё равно на Лян Цзивэнево задабривание. Но Лян Цзивэнь увидел, что тот больше не собирается срывать на нём злость, и облегчённо вздохнул.

Всё-таки мал жизненный опыт, из-за чужого пренебрежения в душе поднимается буря. Когда переживёшь больше, пройдёшь больше дорог, увидишь больший мир, то такие мелочи станут лишь поводом для улыбки.

Чжань Цзюцзян украдкой поглядел на него, примерно догадываясь, о чём думает Лян Цзивэнь. Сам он хоть и был мелочным, но всегда мстил за обиду немедленно. Злился же он не из-за себя, а из-за того, что Лян Цзивэнь недооценили. Хотя он вечно спорил с Лян Цзивэнем, в сердце тот считался большим простачком, да просто идеальным во всём.

Лян Цзивэнь повёл Чжань Цзюцзяна в харчевню позавтракать, заодно спросил дорогу на рынок, съели булочки, выпили соевое молоко — Чжань Цзюцзян почувствовал, что снова ожил. Вечером в поезде перед ними сидела капризная городская девушка и какой-то шалопай, ребёнок, они шумели всю ночь, особенно девушка ссорилась с матерью ребёнка полвечера, так что его здорово вымотали.

Универмаг в Цзиньшане был намного bigger, чем в их посёлке, и товаров было полнее. У обоих были свои личные сбережения, старшие дома тоже немало денег подсунули, особенно дедушка Чжань. Семья Чжань тогда в Цзиньшане знала о трёх тайниках с сокровищами, и дедушка ясно и чётко рассказал о них Чжань Цзюцзяну. Его словами было то, что Цзюцзян его единственный внук, его эти старые кости не знают, когда дадут сбой, а в последние годы Цзюцзян вырос, и каждый год дедушка заставлял его запоминать по несколько тайников.

Всё-таки это знатный род с историей в сотни лет, взлёты и падения длились так долго, во всей семье, боковых ветвях и основной линии столько людей, если каждая семья прячет хоть что-то, то это уже не вопрос денег. Лян Цзивэнь знал, что семья Чжань точно спрятала немало вещей. Даже такая семья, как Тяни, разбогатевшая недавно и без особых корней, и то знала, что нужно вырыть ямы и закопать ценное, что уж говорить о семье Чжань, пережившей столько событий.

Три тайника в Цзиньшане были очень старыми, одному шестьсот с лишним лет, одному двести с лишним лет, и один перед освобождением. В тайниках перед освобождением и двести с лишним лет назад, по предположению Чжань Цзюцзяна, в основном хранились подлинники каллиграфии и живописи, древние трактаты по медицине, сейчас практически бесполезные. А вот в том, которому шестьсот с лишним лет, вероятность наличия золота и серебра была выше, но если вещи уже выкопали, то толку никакого.

Но сейчас дела не об этом, про сокровища потом.

Оба они были люди, которые не считали деньги, видели вещь — не важно, нужна сейчас или нет, сначала покупали, авось пригодится потом?

Термос, носки, нейлоновая верёвка, кружка, зубная щётка, зубная паста, полотенце, чашки с палочками, вешалка, таз для умывания, таз для ног, таз для стирки... Они обшарили каждый угол универмага, доска, на которой прищепками крепились чеки, без конца летала туда-сюда. В конце Лян Цзивэнь повёл его покупать одежду: комплект военной формы, пару зелёных армейских ботинок, тельняшку, костюм Чжуншань, два накладных воротничка, две рубашки из дакрона. Перед отъездом бабушка Лян с тремя невестками сшили Чжань Цзюцзяну три пары чёрных тканевых туфель с многослойной подошвой и две пары чёрных брюк, плюс новая купленная одежда — ему более чем хватало.

Чжань Цзюцзян и не думал, что Лян Цзивэнь купит ему столько одежды, хотел отказаться, но когда Лян Цзивэнь упирался, от него действительно невозможно было отказаться. Лян Цзивэнь боялся, что тот переживает из-за нехватки денег и талонов, сунул ему в руку пачку и сказал:

— Ты на новое место прибываешь, мы, конечно, не собираемся рядиться павлином, но и в грязи ходить не нужно. Ты посмотри в городе, разве много людей в одежде с заплатками? Ты идешь работать, а не там каторгу тянуть, у меня денег и талонов ещё много, трать на здоровье, главное — трать с удовольствием.

Чжань Цзюцзян подумал и обратился к продавщице:

— Товарищ, потрудитесь дать мне ещё такой же комплект военной формы, как этот.

У них комплекция была почти одинаковой, в магазине вещи нельзя было примерить, выбирать и менять, поэтому они сначала купили один комплект, а потом уже сравнивали и выбирали.

— Хорошо. — Продавщица за прилавком обычно была настолько гордой, что казалось, она всё время смотрит в небо, но сочетание Лян Цзивэня и Чжань Цзюцзяна имело сильный эффект. Мягкая атака Чжань Цзюцзяна, а Лян Цзивэню даже ничего делать не надо — он мог одной внешностью напугать девушку до смерти, поэтому обслуживание продавщицы было на редкость хорошим.

Погоуляв по универмагу, Лян Цзивэнь и Чжань Цзюцзян присели в углу и старались сложить вещи как можно компактнее. С таким грузом в ресторан не пойдёшь, можно только сначала тащить всё это обратно.

Входя в гостиницу, девушка-администратор даже головы не подняла, а когда поняла, что они идут вверх, крикнула:

— Вы кто такие? Прямо заходите!

Чжань Цзюцзян тайно обрадовался, но на лице его появилась вполне уместная улыбка, с семью частями доброжелательности и тремя долями недоумения, он спросил:

— Мы постояльцы из номеров 203 и 302, случилось что-то?